

СОВРЕМЕННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ ПРАВОСЛАВНЫХ ЧУВАШЕЙ САМАРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ

© 2021

Ягафова Е.А.

Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В данной статье рассматриваются современные религиозные практики православных чувашей, проживающих в заволжских районах Самарской области. Описываются особенности обрядового календаря, похоронно-поминальных обычаев и обрядов, формы социальной активности чувашей в рамках религиозной жизни, выявлено соотношение православных и т.н. «языческих» элементов в формировании религиозных практик, прослежен процесс формирования православно-«языческого» синкретизма как основы современной религиозности самарских чувашей. Результаты исследования показали, что заметный сдвиг в сторону православной религиозности наблюдается у них в последние два десятилетия. Православие выступает в качестве основы конфессиональной идентичности самарских чувашей и определяет сегодня активность в формировании сакрального ландшафта чувашских селений. Православие же лежит в основе празднично-обрядовой культуры, религиозных действий и опыта. Однако в современных религиозных практиках, особенно в похоронно-поминальной и календарной обрядности, проявляются обряды, поведенческие модели, восходящие к чувашской религии. При этом наблюдается высокая степень синкретизации православных и чувашских народных традиций, обусловленная длительной историей их сосуществования в культуре сельского сообщества. Значительную роль в формировании и развитии религиозных практик играют местные храмы и вовлеченность жителей сел в конфессиональное пространство как на локальном, региональном, так и общероссийском уровне.

Ключевые слова: чуваш; Самарское Заволжье; самарские чуваш; религиозные практики; православие; синкретизм; традиционные верования; похоронно-поминальная обрядность; обрядовый календарь; язычество; церковь; приход.

CONTEMPORARY RELIGIOUS PRACTICES OF THE ORTHODOX CHUVASH IN THE SAMARA TRANS-VOLGA REGION

© 2021

Iagafova E.A.

Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. The paper focuses on contemporary religious practices of the Orthodox Chuvash living in the Trans-Volga areas of the Samara Region. The author describes features of the ritual calendar, funeral and memorial customs and rituals, forms of social activity of the Chuvash within the framework of religious life; reveals the ratio of Orthodox and the so-called «pagan» elements in religious practices; traces the process of formation of Orthodox-»pagan» syncretism as the basis of contemporary religiosity of the Samara Chuvash. The results of the study showed their noticeable shift towards Orthodox religiosity in the last two decades. Orthodoxy acts as the basis of the confessional identity of the Samara Chuvash and today it determines activity in the formation of the sacred landscape of Chuvash villages. Orthodoxy is at the heart of festive and ceremonial culture, religious actions and experience. However, in contemporary religious practices, especially in funeral, memorial and calendar rituality, rituals and behavioral models that go back to the Chuvash religion are manifested. At the same time, there is a high degree of syncretization of Orthodox and Chuvash folk traditions, due to the long history of their coexistence in the culture of the rural community. Local churches and involvement of villagers in the confessional environment both at the local, regional and national levels play a significant role in the formation and development of religious practices.

Keywords: Chuvash; Samara Trans-Volga region; Samara Chuvash; religious practices; Orthodoxy; syncretism; traditional beliefs; funeral and memorial rituality; ritual calendar; paganism; church; parish.

Постановка проблемы

Актуальность изучения современных религиозных практик определяется динамичностью этноконфессиональных процессов в обществе, протекающих как в мировых масштабах под влиянием глобализации или общественно-политических тенденций развития страны, так и на уровне семей, семейно-родственных групп, сельских общин. Рост влияния в обществе РПЦ в последние десятилетия привел к оживлению религиозной жизни православных приходов, увеличению их числа, внедрению новаций, исчезновению некоторых форм религиозности. Однако в современном российском обществе наблюда-

ется и другая тенденция – разрушение традиционных религиозных практик, связанное с изменением их социальной базы – сельской общины. Эти процессы затронули и чувашское население России, исповедующее в большинстве православие. В чувашских селах открываются приходы, строятся храмы, освящаются источники, что, в целом, свидетельствует об оживлении религиозной жизни. Однако, с другой стороны, урбанизация и социальная мобильность повлекла распад семейно-родственных групп (часть проживает в селении, другая в городах и удаленных регионах) и осложнила совместное проведение обрядов, что негативно сказалось на судьбе семейно-

родового культа в последней четверти XX в. Как выглядит религиозная жизнь в селениях православных чувашей сегодня? Какие обряды в них практикуются и каково отношение крещеных чувашей к проявлениям традиционных культов? Каково соотношение православных и традиционных (т.н. «языческих») элементов в обрядности? Какова роль православной церкви в формировании религиозных практик? Ответ на эти и другие вопросы, касающиеся современных религиозных практик, даны в ходе настоящего исследования на примере православного чувашского населения Самарского Заволжья.

Под «чувашами Самарского Заволжья» мы понимаем чувашское население, исторически проживавшее на территории заволжских уездов бывшей Самарской губернии, а в настоящее время – северных и северо-восточных районов Самарской области и прилегающих территорий Республики Татарстан, Ульяновской и Оренбургской областей. В начале XX в. в этом регионе проживало 91,8 тыс. чувашей [1]. По переписи 2010 г. в заволжских районах Самарской области, включая города, пребывало 78,7 человек чувашской национальности [2].

*История и методология вопроса,
цель и задачи исследования*

Проблема религиозных практик исторически рассматривалась в рамках философии и феноменологии религии (Ф. Шлейермахер, Г. ван дер Леу, У. Джеймс, М. Элиаде, Э. Гуссерль), социологии (М. Вебер, Т. Парсонс и др.), в социальной и культурной антропологии (Э. Тейлор, Дж. Фрезер, А. Бастиан, Э. Дюркгейм, Б. Малиновский, К. Леви-Строс, В. Тернер, К. Гирц и др.). Значительный интерес в рамках настоящего исследования представляет взгляд на религию как на социально обусловленное явление, призванное стабилизировать и легитимировать порядок в обществе (П. Бергер, Т. Лукман [3], П. Бурдьё [4], Э. Дюркгейм [5]). Актуальны также теории ритуального поведения, разработанные в последние десятилетия (работы Т. Лоусона и Р. Маколея, П. Буайе и П. Льянара, Х. Уайтхауза, Й. Сёренсена), концепции «частной (vernacular) религии» Л.Н. Примьяно (L.N. Primiano), «фольклоризма» (С. Долби, Р. Бендикс и др.), рассматриваемые в современной зарубежной историографии [6; 7].

В отечественном религиоведении изучаемые вопросы нашли отражение в работах А.А. Агаджаняна [8], Л.С. Астаховой [9–12], А.П. Забияко [13], А.Н. Лещинского [14], М.Ю. Смирнова [15], Е.С. Элбакяна [16], И.Я. Яблокова [17] и др. Особое значение имеют работы Л.С. Астаховой, содержащие теоретико-методологические подходы к изучению религиозных практик: авторскую концепцию формирования и смысла религиозных практик в структурах повседневности, методологические установки для историко-генетической реконструкции религиозных представлений и верований.

Проблема изучения религиозных практик в современной России поставлена в сборниках статей «Религиозные практики в современной России» (ред. К. Русселе и А. Агаджанян) [18], «Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности» (ред. К. Русселе и А. Агаджанян) [19]. Она также вписана в тему «народной религиозности», традиционно рассматриваемую в

рамках этнолого-антропологических исследований, в фольклористике. Проблеме русской крестьянской религиозности посвящены работы Т.А. Бернштам [20], М.М. Громыко [21], Е.Е. Левкиевской [22], А.А. Панченко [6], Т.Б. Щепанской [23] и др. В изучение народной религии чувашей значим вклад чувашских исследователей XX в. П.В. Денисова [24], Н.П. Денисовой [25; 26], Л. Петрова [27], А.А. Трофимова [28] и др. Проблеме религиозности чувашей уделено основное внимание в трудах Г.Е. Кудряшова, в них охарактеризованы различные типы религиозности, сложившиеся на основе «язычества» [29–31]. За последние десятилетия изучаемой теме был посвящен ряд статей и монографий Е.С. Данилко, Н.Е. Кобцевой, И.Г. Петрова, А.К. Салмина, Т.В. Семеновой, Е.А. Ягафовой [32–44], в которых содержится обширный материал по различным аспектам религиозной системы чувашей и ее проявлениям в современной культуре этноконфессиональных сообществ; указанные вопросы рассмотрены в исторической динамике.

Достигнутые результаты в изучении темы, несомненно, важны для общей характеристики религиозно-обрядовой культуры и понимания тенденций ее развития на современном этапе. В то же время особенности религиозности православного населения, составляющего сегодня большинство народа, в рамках этих проектов вообще не рассматривались, что создает существенный пробел в характеристике современных религиозных практик чувашей Урало-Поволжья. Эти обстоятельства доказывают необходимость проведения настоящего исследования.

Методология исследования основана на понимании религиозных практик как совокупности интерпретаций и действий, совершаемых людьми в соответствии с их верованиями, их религиозным опытом и/или их взаимодействием с религиозными институтами [18, с. 8]. Религиозные практики православных чувашей представляют собой сложное явление, определяемое, с одной стороны, декларируемой религиозной идентичностью его членов и православной догматикой, т.е. «нормой», а с другой стороны, реальной жизнью, обуславливающей постоянные изменения этих практик, вызванные необходимостью их адаптации к социальному окружению и общественным трансформациям. Исходя из этого, методологическая основа исследования носит комплексный характер и содержит совокупность разных методов. Историко-сравнительный подход позволил оценить происходящие в религиозных практиках временные и пространственные изменения, структурно-функциональный – раскрыть характер этих изменений, охарактеризовать религиозные практики в статическом измерении.

Для сбора информации использовалась преимущественно качественная методология, в первую очередь – метод глубинного интервью с жителями чувашских сел заволжских районов Самарской области в 1993–2021 гг.: Сергиевского (1993 г.), Челно-Вершинского (1994, 1995, 2014, 2020, 2021 гг.), Похвистневского (1996, 2014, 2021 гг.), Борского (1996 г.), Кошкинского (1997 г.), Клявлинского (1998, 2014, 2021 гг.), Исаклинского (1999 г.), Шенталинского (2000, 2001, 2015, 2021 гг.) [45]. Всего было опрошено более 200 человек. В рамках одного из этапов в 2020 г. методом полуструктурированного интервью

были опрошены чувашаи – жители с. Девлезеркино Челно-Вершинского района Самарской области – всего 100 чел. в возрасте от 18 до 105 лет, в том числе 24 мужчины и 76 женщин [45]. Интервью проводились путем целевого отбора информантов в соответствии с такими значимыми характеристиками, как национальная принадлежность опрашиваемых (чувашаи); постоянное проживание в селах; представленность различных социально-демографических групп по полу, возрасту. Метод наблюдения применялся в процессе изучения массовых мероприятий и праздников в селах Самарской области. Полевые материалы, собранные в указанных период, а также Интернет-ресурсы (сеть православных сайтов «Приход.ру» – prihod.ru, сайт «Храмы России» – temples.ru, народный каталог православной культуры «Соборы.ру» – sobory.ru, социальная сеть «ВКонтакте» (страницы храмов) – vk.com, социальная сеть «Одноклассники» (страницы храмов) – ok.ru) позволили проследить динамику религиозности самарских чувашей в последние три десятилетия. Обращение к статистическим, опубликованным, архивным источникам [46–48] дало возможность охарактеризовать религиозные процессы в Самарском Заволжье на протяжении полутора столетия.

Цель исследования: выявить соотношение актуальных религиозных практик православных чувашей Самарского Заволжья с «нормами» с точки зрения их соответствия декларируемой религиозной принадлежности.

Задачи исследования: охарактеризовать актуальные ритуальные практики православных чувашей Самарского Заволжья в соотношении с «нормой», определяемой их конфессиональной принадлежностью, в том числе соотношение православных и традиционных (т.н. «языческих») элементов в обрядности; описать некоторые формы социальной активности, определяемые конфессиональной принадлежностью и реализуемые в ходе организации своего социального пространства; проанализировать тенденций в развитии современных религиозных практик среди православных чувашей.

В данной статье рассмотрены вопросы, касающиеся ритуальных практик; за ее пределами остались проявления религиозности в повседневности.

Анализ данных

Христианизация самарских чувашей происходила в процессе освоения ими заволжских земель в конце XVII–XVIII в. Переселенцы в основной массе были «новокрещеными», однако вместе с ними сюда переехало около 4 тыс. чувашей-язычников [46]. Однако и чувашаи, принявшие к моменту переселения православие, фактически продолжали придерживаться «старой веры». В значительной мере этому способствовало отставание региона в темпах и масштабах христианизации от правобережья Волги и то, что, по словам С.Ф. Ташкина, «непосредственно на себе инородческое население Закамья не испытало ни работы Новокрещенской конторы, ни деятельности сменивших ее проповедников-миссионеров» [49, с. 228].

Значительная удаленность от губернских центров (сначала Казани, Оренбурга, Симбирска, а затем Самары), политическая нестабильность в регионе в указанный период, ослаблявшая контроль за религи-

озными настроениями населения, а также более выгодные социально-экономические условия благоприятствовали расселению в Заволжье значительного числа некрещеных чувашей. По данным V ревизии (1795 г.) в крае насчитывалось свыше 4,8 тыс. некрещеных чувашей (здесь приведены данные по Оренбургской губернии, охватывавшей тогда Заволжье, Приуралье и частично Закамье (Бугульминский уезд) – территории будущей Самарской губернии) [47], в середине XIX в. – около 3,5 тыс. человек [47; 48], в конце XIX – начале XX в. – около 3,9 тыс. чел. [50, с. 204–209]. В большинстве случаев язычники проживали с православными в одном селении – таких сел и деревень в Самарском Заволжье насчитывалось около двух десятков. Другим фактором, ослаблявшим влияние православия на заволжских чувашей, было распространение среди них ислама. В последние десятилетия XIX – начале XX в. в Самарской губернии наблюдался переход чувашей в ислам в Бугульминском, Бугурусланском, Самарском уездах, в чувашских и чувашско-татарских селениях [51, с. 173; 52, с. 86; 53, с. 81; 54, с. 8; 55, с. 3–4; 56, с. 60–69; 57, с. 620–625].

Соседство с другими конфессиями, в первую очередь с «язычниками», отражалось на религиозных настроениях православных чувашей, способствовало сохранению традиционных ритуальных практик. Наиболее живучим оказались общественные моления *Киремету*, культ домашнего божества *Йёрёх*, обряд вызывания дождя *Џамър чўк*, некоторые поминальные обычаи и обряды. Вместе с тем современники констатировали на рубеже XIX–XX в. значительные успехи в освоении чувашами основ православной веры и христианского образа жизни. В отчете Самарского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1897 г. сообщалось, что «почти во всех селениях чувашаи, как крещенные, так и язычники, оставили совершение своих молений в домах и на полях, языческие и мусульманские поминания усопших, меньше стали обращаться к «йомзям» (ворожеям), <<...> оставляют языческое и мусульманское празднование пятницы и вместо него празднуют воскресный день и другие праздники, установленные церковью; обратившиеся из язычества считают заторным незаконное сожительство, бывшее ранее явлением обычным, освящают его таинством брака в церкви; охотно стали посещать храм, поминать своих усопших по-христиански, для чего заказывают обедни и годовые поминания, соблюдают посты и исполняют христианский долг исповеди и св. причащения» [52, с. 34]. Эти успехи в Самарском Заволжье были достигнуты благодаря последовательной реализации христианизаторско-просветительской программы Н.И. Ильминского, активной миссионерской работе местных священников. Позитивная динамика в утверждении христианства среди православных чувашей Самарского Заволжья была прервана в советский период истории антирелигиозной политикой государства.

Несмотря на сложности, религиозная ситуация среди православных чувашей Самарского Заволжья развивалась на протяжении XVIII–XX вв. в направлении проникновения и утверждения православных традиций и формирования синкретических («православно-языческих») религиозных практик. Значимым

рубежом в формировании религиозных представлений официально православного большинства чувашского населения Урало-Поволжья стала середина XIX в. По мнению В.Д. Димитриева, к этому времени у преобладающей части чувашей сложился «языческо-православный» синкретизм, у меньшей – «православно-языческий» [58, с. 118]. Но и в том, и в другом случае религиозные верования основывались, по выражению С.В. Ешевского, на «дикой смеси» «языческих» и христианских понятий [59, с. 117]. На конкретно-бытовом уровне синкретизм выражался в соблюдении требований и норм как христианства, так и традиционной религии, что вызывало немалое удивление священнослужителей. Они отмечали, что даже чуваша, сносно выполнявшие свои христианские обязанности, одновременно проводили вместе с некрещеными «языческие» обряды [59, с. 32]. В этом смысле такие христиане мало отличались от некрещеных чувашей, и их, по мнению Б. Юзefовича, можно было бы причислить к последним [60, с. 17].

Синкретизация верований и обрядности стала явной и все более усиливающейся тенденцией уже к началу XX в. и сохранилась на протяжении всего столетия, способствуя выживанию элементов чувашской веры среди православного большинства чувашского народа. В праздничный календарь самарских чувашей прочно вошли православные праздники: Рождество, Крещение, Никола летний и Никола зимний, Троица, Петров день, Ильин день, Покров, праздники в честь Дмитрия Солунского и св. Кузьмы и Демьяна, Михайлов день и др. Примечательным явлением стали престольные праздники, в их число были включены православные праздники с Покрова (14 октября по новому стилю) до Крещения (19 января). Под воздействием православия ряд чувашских праздников был приурочен к христианским: например, *Мункун* – к Пасхе, проводы весенне-летних хороводов *Уяв / Вăйă* – к Петрову дню, осенний обычай поминовения предков и праздник «осеннего пива» *Кёр сăри* – к Дмитриевской субботе и т.д. Однако по содержанию и форме эти праздники оставались традиционно чувашскими, на них совершались те же обряды и исполнялись те же песни, что и у некрещеных чувашей соседних сел. Христианство вытеснило лишь моления: летнее общесельское моление *Учук*, домашние моления в честь дома, скота и др. При этом ситуативно, в засуху, проводили ритуал вызывания дождя *Ўмăр чўк*. Достаточно активно практиковались магические приемы, гадания, запреты, связанные с чувашской религией. Так, повсеместно сохранялись гадания на Старый Новый год. Запреты соблюдались как в повседневности, так и в дни религиозных праздников. Примечательно, что строго соблюдался запрет на домашние работы и хозяйственную деятельность именно в дни православных праздников – на Благовещение (7 апреля), летнюю Казанскую (21 июля), Ильин день (2 августа), Ивана Постного (11 сентября). Одним из важных «запретных» периодов в жизни заволжских чувашей был период *Уяв / Їинсе*, длившийся обычно с летнего Николы (22 мая) и до Петрова дня (12 июля). Широко отмечалась православными чувашами *Їаварни*, совпадавшая по времени с русской Масленицей, но по содержанию (гостевание, исполнение особых масленичных песен) заметно отличавшаяся от нее [45].

С усилением роли РПЦ в первые десятилетия XXI в. наблюдается заметный сдвиг в сторону православной религиозности, прочно закрепившейся в сознании самарских чувашей и определяющей их общественную активность, которая проявляется в восстановлении приходов, строительстве храмов, часовен. Так, в 1990-х гг. в чувашских селах Самарского Заволжья было открыто 4 прихода и 2 храма, в 2000-е гг. – 8 новых приходов и построено 10 храмов. В последующее десятилетие этот процесс продолжался – прибавилось 6 приходов и 4 новых храма. В настоящее время ведется строительство церквей в 3 селах. Большинство из них было возведено в память о разрушенных в 1920–1930-х гг. храмах, существовавших в одних селах с XVIII в., как, например, в сс. Девлезеркино Челно-Вершинского района и Большое Микушкино Иса克林ского района, в других – с рубежа XIX–XX вв., как в сс. Салейкино Шенталинского района, Бор-Игар Клявлинского района. Примечательно, что новые храмы появились в селениях, где ранее не существовало церквей, как, например, в с. Антипкино Кошкинского района (2010–2012 гг.) или д. Ерыкла Клявлинского района (2008 г.). Новые здания храмов возведены по типовым проектам из дерева (Новое Аделяково Челно-Вершинского района), стеновых блоков (Староганькино Похвистневского района) или кирпича (Челно-Вершины, Старое Эштебенькино Челно-Вершинского района, Салейкино и др.). В некоторых селах, как, например, в Борискино-Игар Клявлинского района или Новом Ганькине Иса克林ского района, восстановлены полуразрушенные здания старых церквей или прихрамовых сооружений, использовавшихся в советское время для разных хозяйственных нужд. В ряде сел под церкви были приспособлены жилые дома (Среднее Аверкино Похвистневского района), старые здания школ (Стюхино того же района) или амбулатория (Девлезеркино). Строительство и восстановление храмов ведется в основном за счет частных пожертвований местных жителей и спонсорских вложений выходцев из села, в том числе и пенсионеров, вкладывающих значительные накопления в это, по мнению жителей, богоугодное дело. В отсутствие своего храма в некоторых приходах открываются моленные дома. Так, моленный дом открыт в п. Сокский Иса克林ского района, планируется открытие в с. Малое Девлезеркино Челно-Вершинского района [45].

Наряду с храмами в селах благоустраиваются и освящаются источники, а при них устраиваются купели и часовни. Этот процесс активизировался в последние годы – появились часовни в сс. Девлезеркино, Большое Микушкино. В трех селах Иса克林ского района (Убейкино, Саперкино и Два Ключа) источники и часовни были освящены в 2020–2021 гг. В большинстве чувашских селений Самарской области на месте храмов или на въезде в село установлены поклонные кресты, которые призваны, по мнению жителей, защитить село от природных катаклизмов и несчастных случаев [45]. Все приведенные выше факты указывают на то, что в течение последних трех десятилетий в чувашских селах Самарского Заволжья наблюдается активная деятельность по формированию сакрального пространства в русле православной традиции, что, вероятно, свидетельствует об

устойчивой православной конфессиональной идентичности жителей этих селений.

Православие же лежит в основе их празднично-обрядовой культуры, религиозных действий и опыта. Посещение храма и участие в богослужении, заказ треб, пожертвования в пользу храма, соблюдение поста, запретов, празднование православных праздников, в том числе престольных, проведение православного погребального и поминального ритуалов (отпевание, панихиды, поминки и т.д.), почитание православных святых, чтение религиозной (христианской) литературы, использование в обрядах предметов православного культа (кресты, иконы и т.д.) – эти и другие черты религиозного поведения, характерные для значительной части самарских чувашей, указывают на глубокую укорененность в культуре именно православных традиций. В этой связи показательны данные опроса, проведенного в с. Девлезеркино в 2020 г. Почти 87% опрошенных жителей указали, что бывают в церкви в праздничные дни, около 5% посещают и еженедельные литургии, более половины жителей заказывают разные требы, в том числе панихиды по усопшим родственникам – родительские панихиды (70%) и панихиды по отдельным покойникам (76%), что связано, вероятно, с особой значимостью культа предков в религиозных верованиях и обрядности чувашей. Почти половина (45%) жителей с разной частотой бывает на исповеди, 88% совершают пожертвования, в основном денежные. У большинства опрошенных (81,4%) в доме имеется религиозная литература – в основном Псалтирь (53%), Евангелие (28%), Молитвослов (28%), реже – Акафисты, полный текст Библии, а также рукописные тексты молитв, в т.ч. на чувашском языке, которые используются при отпевании покойных и во время панихиды дома. Практически в каждом доме имеются иконы, лампадки, емкость со святой водой, нательные кресты, а у части жителей (22%) – также свечи, ладан, подсвечники, освященное масло, миро [45].

Религиозная жизнь православных чувашей Самарского Заволжья не ограничена пределами своего села, прихода. Многие из них ездят на службы в соседние селения, совершают паломничества в отдаленные храмы и святые места, приобщаются к православному миру через телевидение, в частности, каналы «Спас», «Союз», трансляции праздничных служб и другие передачи по другим телеканалам. Значимую роль в формировании и поддержании информационного пространства играет в последние годы сеть Интернет: почти у каждого прихода и/или благочиния имеются свои странички в социальных сетях «Одноклассники» и «ВКонтакте». Через Интернет активисты религиозных общин проводят сбор пожертвований, приглашают на службы и сообщают прихожанам о текущем состоянии дел в приходе [45].

Несмотря на доминирование христианских традиций, религиозная жизнь православных чувашей Самарского Заволжья определяется в значительной степени практиками (обрядами, поведенческими моделями), восходящими к чувашской религии (*чăваш тĕнĕ*). Наиболее ярко эта сторона религиозности проявляется в похоронно-поминальном обрядности. Традиционные элементы очевидны в правилах обмывания и обрядного погребения покойного, проявляются при изготовлении гроба, рытье могилы, подготовке и

проведении поминальной трапезы, других блоках обрядности. Так, существует обычай оставлять в доме на месте гроба железный предмет, раздавать суровые нитки, одаривать участников ритуала, мыть руки по возвращении с кладбища и участвовать в ритуальной беседе с встречающими (*Куда ходили? – По пустому делу!* (чув. «Харама»)), «кормить» покойных, т.е. раскладывать еду на могилах и крестах во время поминовения на кладбище и др. Существует представление о «главе кладбища» *масар пуслăхĕ* и последнем захороненном на кладбище человеке – *масар хуралси*. При погребении принято откладывать первый кусок дерна (его укладывают сверху на могилу), бросать в могилу монетки – *сут укси* (для освещения могилы), разрывать и раздавать куски полотна, использованного при опускании гроба в могилу, обходить могилу по солнцу три раза. В некоторых селениях к крестам, как и некрещенные чуваше к столбам, привязывают полотенца – дар покойному, которым он, по представлениям чувашей, утирается. Таким образом, элементы народной религии составляют существенную часть похоронно-поминальных обычаев и обрядов православных чувашей Самарского Заволжья. В то же время нельзя не отметить высокую степень их синкретизации с христианской ритуальной практикой [45].

Данную тенденцию можно наблюдать и на примере обрядового календаря, который, как уже отмечалось выше, приурочен к православным датам, но сохраняет традиционное для чувашской религиозной системы содержание. Ярким примером подобного синкретизма является *Уяв* в северных районах области. Летние хороводы и игрища молодежи значительно изменились за последние полвека, но при этом сохранились традиция «встречи» и «проводов», соответственно 22 мая на Летнего Николу и 12 июля на Петров день, репертуар песен *Уяв*, а главное – глубокая убежденность в том, что *Уяв* следует встретить и проводить во избежание несчастий для жителей села. В северо-восточных и восточных районах Самарской области кульминацией летнего блока обрядности является *Симĕк*. Большинство православных чувашей посещает кладбища и поминает покойных в субботу перед Троицей, но часть из них, связанная родственными узами с некрещеными чувашами, вместе с последними посещают могилы в четверг той же недели. Таким образом, *Симĕк* выступает общим для обеих конфессий обрядом. Популярность его связана с родовым культом, сохраняющим основополагающее значение не только в обрядности чувашей, но и в их мировоззрении, в социальном взаимодействии. Поэтому *Симĕк* для православных чувашей – это не только поминальный ритуал, а еще и праздник встречи и общения с близкой и дальней родней. После посещения кладбища начинаются гостевания с родственниками, приезжающими на *Симĕк* и других сел, городов, регионов России и ближнего зарубежья [45].

Таким образом, в обрядовой жизни православных чувашей Самарского Заволжья прослеживается глубокая связь христианских и традиционных элементов, степень синкретизации которых столь высока, что большинство самарских чувашей не различает их, воспринимая в качестве единой религиозной традиции.

Заключение

На протяжении XVIII–XX вв. среди православных чувашей Самарского Заволжья распространялись и утверждались православные традиции, формировались синкретические («православно-языческие») религиозные практики. С усилением роли РПЦ в российском обществе в первые десятилетия XXI в. стал заметен сдвиг в сторону православной религиозности, ставшей основой конфессиональной идентичности большинства самарских чувашей и определяющей сегодня их активность в формировании сакрального ландшафта своих селений. Православие лежит в основе их празднично-обрядовой культуры, религиозных действий и опыта, что свидетельствует о соответствии, в целом, религиозного поведения православных чувашей «нормам» декларируемой религиозности. Однако, как показывают результаты исследования, в современных религиозных практиках данного этноконфессионального сообщества присутствуют обряды, поведенческие модели, восходящие к чувашской религии (*чăваш тĕнĕ*); наиболее ярко эта сторона религиозности проявляется в похоронно-поминальной и календарной обрядности. При этом наблюдается высокая степень синкретизации православных и языческих традиций, обусловленная длительной историей их сосуществования в культуре сельского сообщества. Значительную роль в формировании и развитии религиозных практик играют местные храмы и вовлеченность жителей сел в конфессиональное пространство как на локальном, региональном, так и на общероссийском уровне.

Список литературы:

1. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Европейской России. Самарская губерния [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=1264.
2. Национальный состав населения Самарской области: статистический сборник. Самара: Самарстат, 2013. 327 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания: монография / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; под ред. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетей, 2007. 288 с.
5. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / пер. с франц. В. Земсковой. М.: Элементарные формы, 2018. 808 с.
6. Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетей, 1998. 305 с.
7. Сёренсен Й. Религия в сознании: обзорная статья о когнитивном религиозоведении / пер. с англ. и прим. К. Дараган, Т. Малевич, под ред. И. Анофриевой [Электронный ресурс] // <https://religious.life/2013/04/sorensen-religion-in-mind-part1>.
8. Агаджанян А., Русселе К. Как и зачем изучать современные религиозные практики? // Религиозные практики в современной России: сб. ст. / под ред. К. Русселе, А. Агаджаняна. М.: Новое издательство, 2006. С. 8–24.
9. Астахова Л.С. Религиозное действие в контексте повседневности: опыт феноменологии религии. Казань: Изд-во КГУ, 2008. 168 с.
10. Астахова Л.С. От религиозного опыта к религиозным практикам. Опыт современного религиозного опыта. Казань: Отечество, 2011. 148 с.
11. Астахова Л.С. Динамика современных религиозных практик в структурах повседневности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2013. 43 с.
12. Астахова Л.С., Александрова Н.Н. Религиозные практики в Республике Татарстан: количественный и качественный анализ религиозной ситуации. Казань: Отечество, 2013. 214 с.
13. Забияко А.П., Сердюков Ю.М., Тюрина Ю.Л. и др. Современные контексты магии, религии и паранауки. М.: Academia, 2008. 272 с.
14. Лещинский А.Н. Православие: единство и разделения (социумные детерминанты, типология, противоречия и тенденции). М.: Изд-во Российского гос. социального ун-та, 2011. 226 с.
15. Смирнов М.Ю. Религиозно-мифологический комплекс в российском общественном сознании. Историко-социологическое исследование: дис. ... д-ра соц. наук. СПб., 2006. 364 с.
16. Элбакян Е.С. Религия в мире повседневности // Труд и социальные отношения. 2013. № 1. С. 90–103.
17. Яблоков И.Н. Социология религии. М.: Мысль, 1979. 182 с.
18. Религиозные практики в современной России: сб. ст. / под ред. К. Русселе, А. Агаджаняна. М.: Новое издательство, 2006. 395 с.
19. Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности: сб. ст. / под ред. К. Русселе, А. Агаджаняна. М.: Весь мир, 2011. 368 с.
20. Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та: Петербургское востоковедение, 2007. 413 с.
21. Громыко М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 с.
22. Левкиевская Е. «Народное отпевание» в Самойловском районе Саратовской области // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре / под ред. Д.В. Громова. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 10–34.
23. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.
24. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. 408 с.
25. Денисова Н.П. Зимние и весенние календарные праздники чувашских крестьян (XIX – начало XX вв.) // Исследования по чувашскому фольклору. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1984. С. 142–166.
26. Денисова Н.П. Летне-весенние календарные праздники и обряды чувашей (XIX–XX вв.) // Чувашское народное творчество. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1985. С. 67–87.
27. Петров Л.П. Личные имена закамских чувашей-язычников // Культура и быт низовых чувашей. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1986. С. 74–87.
28. Трофимов А.А. Чувашская народная культовая скульптура. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 237 с.
29. Кудряшов Г.Е. Пережитки религиозных верований чуваш и их преодоление. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1961. 164 с.
30. Кудряшов Г.Е. Динамика полисинкретической религиозности. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. 355 с.
31. Кудряшов Г.Е. Этноспецифика обыденной религиозности // Проблемы религиозного синкретизма и развития атеизма в Чувашской АССР. Труды ЧНИИ. Вып. 86. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1978. С. 30–46.
32. Данилко Е.С. «Старая вера» по-чувашски: книжная традиция и повседневные практики одной старообрядческой общины // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 19–32.

33. Кобцева Н.Е. Весенний праздник чувашей Башкортостана // Вестник Московского государственного областного университета. 2010. № 4. С. 219–222.
34. Петров И.Г. Полевое моление «учук» некрещеных чувашей дер. Юлтимировка Бакалинского района РБ (по материалам экспедиций 2010, 2014 гг.) // Документы и материалы по истории и культуре народов Южного Урала / под ред. Ф.Г. Галиевой. Вып. 1. Уфа: Первая типография, 2017. С. 113–172.
35. Петров И.Г. Одежда в семейных обычаях и обрядах чувашей (XIX – начало XX в.). Уфа: Башк. энцикл., 2018. 296 с.
36. Петров И.Г. Изображения элементов женского костюма на намогильных памятниках некрещеных чувашей: к вопросу изучения основных приемов их визуализации // Вестник Чувашского университета. 2019. № 2. С. 120–135.
37. Салмин А.К. Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 654 с.
38. Салмин А.К. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: Наука, 2010. 239 с.
39. Семенова Т.В. Святоточные обряды и развлечения в современном быту // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 93–97.
40. Семенова Т.В. Масленичный обрядовый комплекс чувашей Волго-Уральского региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11 (265). История. Вып. 50. С. 160–164.
41. Семенова Т.В. Семицко-троицкий обрядовый комплекс чувашей на современном этапе // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре: сб. ст., посв. 30-летию кафедры философии, истории и теории мировой культуры и 15-летию ГУСО «Дом дружбы народов» Самара, 23–25 июня 2016 г. Самара: СГСПУ, 2016. С. 45–48.
42. Ягафова Е.А. Чувашское «язычество» в XVIII – начале XXI в. Самара: ПГСГА, 2007. 125 с.
43. Ягафова Е.А. Религиозные практики этноконфессиональных групп чувашей // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 3–18.
44. Ягафова Е.А., Иванова А.И. Похоронно-поминальные обычаи и обряды чувашей северо-востока Самарского Заволжья (верховья р. Большой Черемшан): традиции и современность // Традиционная культура. 2019. Т. 20, № 1. С. 79–90.
45. Полевые материалы автора (ПМА). Самарская область, 1993–2021 гг.: 1993 г. – Сергиевский р-н, 1994–1995 гг. – Челно-Вершинский р-н, 1996 г. – Борский, Похвистневский р-ны, 1997 г. – Кошкинский р-н, 1998 г. – Клявлинский р-н, 1999 г. – Исаковский р-н, 2000–2001 гг. – Шенталинский р-н, 2014 г. – Клявлинский, Похвистневский, Челно-Вершинский р-ны, 2015 г. – Шенталинский р-н, 2020 г. – Челно-Вершинский р-н, 2021 г. – Клявлинский, Похвистневский, Челно-Вершинский, Шенталинский р-ны.
46. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 2. Д. 3351, 3352, 2454.
47. РГВИА. Ф. ВУА (Военно-ученый архив) (1832–1856). Д. 18895.
48. НА РАН. Ф. 30. Кеппен П.И. Оп. 2. Д. 54. Л. 78–199.
49. Ташкин С.Ф. Инородцы Поволжско-Приуральского края и Сибири по материалам екатерининской законодательной комиссии. М., 1921. 271 с.
50. Никольский Н.В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках. Исторический очерк. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1912. 416 с.
51. Иванов А. Из истории христианского просвещения Самарской епархии во второй половине XIX в. // Православный благовестник. 1900. № 13. С. 204–209.
52. Отчет Самарского епархиального комитета православного миссионерского общества (далее – СЕК ПМО) за 1897 г. // Самарские епархиальные ведомости. 1898. № 8. С. 1–56.
53. Отчет СЕК ПМО за 1899 г. // Самарские епархиальные ведомости. 1901. № 15. С. 1–40.
54. Отчет СЕК ПМО за 1902 г. // Самарские епархиальные ведомости. 1903. № 8. С. 1–45.
55. Отчет СЕК ПМО за 1904 г. // Самарские епархиальные ведомости. 1905. № 11. С. 1–6.
56. Михайлов А. Приход села Стюхино Бугурусланского уезда Самарской епархии // Чичерина С.В. У приволжских инородцев: Путевые заметки. СПб., 1905. Приложение № 6. С. 60–69.
57. Филимонов Д. Успехи ислама среди чуваш-язычников дер. Старо-Афонькиной Бугульминского уезда // Самарские епархиальные ведомости. 1908. № 16. С. 620–625.
58. Димитриев В.Д. Распространение христианства и чувашские народные массы в период феодализма (середина XVI в. – 1861 г.) // Проблемы религиозного синкретизма и развитие атеизма в Чувашской АССР. Труды ЧНИИ. Вып. 86. Чебоксары, 1978. С. 81–120.
59. Отчет СЕК ПМО за 1901 г. // Самарские епархиальные ведомости. 1902. № 17–23.
60. Юзефович Б. Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России (Казанская и Уфимская губернии) // Русский вестник. 1883. Т. 164, № 3. С. 8–64.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00127 «Религиозные практики чувашей: традиции и их трансформация (конец XX – первые десятилетия XXI в.)».

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Ягафова Екатерина Андреевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и теории мировой культуры; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: yagafova@yandex.ru.</p>	<p>Iagafova Ekaterina Andreevna, doctor of historical sciences, professor, head of Philosophy, History and Theory of World Culture Department; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: yagafova@yandex.ru.</p>

Для цитирования:

Ягафова Е.А. Современные религиозные практики православных чувашей Самарского Заволжья // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 2. С. 221–227. DOI: 10.17816/snv2021102215.